

The background is a rich, textured painting. It depicts a street scene with several street lamps. The foliage is rendered in a variety of colors, including reds, yellows, oranges, and blues, suggesting autumn. The overall style is expressive and somewhat abstract, with visible brushstrokes and a sense of depth.

Игорь Миновских

*Четыре сказки
с особенными
героями*

Новеллы-сказки

Игорь Шиповских

Четыре сказки с особенными героями. Новеллы-сказки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51786918

ISBN 9785449850249

Аннотация

Сказки о милосердии и привязанности, о дружбе и разладе, о жадности и скромности, о ненависти и сыновней любви, о радости и грусти, о щедрости и жадности, об истинном счастье и, конечно, о негаданной любви. А также о доброте и воздаянии за неё, о магии благородства и чести, о великой материнской любви и вере в чудесное исцеление. А ещё о стойкости и отваге, о драме и радости, о чёрных днях и любви к живописи, о победе и поражении, обо всём том, что несёт в себе война со всеми её ужасами...

Содержание

Сказка о старом немце-колдуне Ойгене Карловиче и его одарённом пасынке Гюнтере	5
Сказка о юной талантливой художнице Катеньке и её друзьях	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

**Четыре сказки
с особенными героями
Новеллы-сказки**

Игорь Шиповских

© Игорь Шиповских, 2020

ISBN 978-5-4498-5024-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сказка о старом немце-колдуне Ойгене Карловиче и его одарённом пасынке Гюнтере

1

Жил да был в прежние времена в Немецкой слободе один старый и достаточно странный германец. Поселился он там ещё в годы правления Петра Великого, а оттого никто доподлинно не ведал, сколько ему теперь лет, и чем он вообще занимается. Впрочем, никто и не спешил узнавать этого, а всё потому, что германец тот имел вид устрашающий и порой наводил ужас даже на своих собственных соотечественников. А что уж говорить о прочих жителях города, те его просто-таки боялись, и не приведи господь им встретить его где-нибудь на прогулке.

Завидев его, они тут же с трепетным придыханьем бросались на противоположную сторону улицы. И ведь не зря это делали, так как встреча с ним обычно не сулила прохожему ничего хорошего. А это потому, что германец тот слыл типичным знахарем-колдуном и чернокнижником, коих ныне осталось не так уж и много. С тех самых пор, как главным целителем на Руси был славный Яков Брюс, кстати, учеником, которого и являлся странный германец, они неумолимо повывелись. А звали того старика, как и подобает всем жи-

телям немецкой слободы, чётко и хлестко, словно удар кнута – Ойген Карлович Заубер.

Вот такой загадочный и поразительно мрачный старик обитал подле Парадного замка государя, что располагался на Головинских прудах у речки Язуы. И не случалось ни одного дня, чтобы жители ближайшего околотка не проклинали его за те неудачи и напасти кои случались с ними. И будь то падёж скота или же пожар, во всём винили только его, но никак не самих себя. Хотя с другой стороны они, может быть, и были в чём-то правы. Ведь старик обитал рядом с ними и запросто мог навести на них порчу.

А обитал он в небольшом покосившемся домишке, где сохранил крохотную аптекарскую лавку коя пользовалась популярностью лишь у малой категории жителей города, да и то всё больше бедняков и простых работяг. Богатеи же и зажиточные горожане обходили его лавку стороной. Им было даже и невдомек, откуда у такого скверного старика может быть аптека. Потому как аптекарями в то время обыкновенно становились люди образованные и с особенными знаниями. А тут тёмный мрачный немец, да ещё и с репутацией чернокнижника.

Но напрасно они так плохо думали о старом Ойгене Карловиче, ведь уж что-что, а толк в снадобьях и лекарствах он понимал, сказывалась былая выучка, полученная им ещё от Якова Брюса. Кому, каких пилюль от мигрени дать, или кому какую микстуру от кашля приготовить, он превосход-

но знал и разбирался в этом. Однако сие знание не помогло ему занять добрососедских отношений и обзавестись друзьями. Люди чурались его, и даже те, кому он помогал, избегали общения с ним.

Что поделатъ, репутация есть репутация, и её очень трудно изменить, даже если на самом деле ты не соответствуешь ей. Старик это прекрасно понимал, а потому особо не старался выправлять положение, и продолжал бродить по городу тёмной тенью, наводя на прохожих трепет и смятенье.

2

И всё бы это, наверное, так дальше и продолжалось, но вот как-то однажды в Немецкую слободу из-за границы погостить к своей двоюродной тётушке приехал один молодой напыщенный хлыщ модной наружности с изрядно несносными замашками. Ох, и сноблив же, дерзок да высокомерен он был. Всех округ себя называл отсталыми карлами, и даже своей милой хлопотунье тётушке дал презрительное прозвище Frau Dick, что на русский манер означало «толстая баба». Ну а той приходилось всё это терпеть от него, ведь как-никак родственник, хоть и с отвратительным характером.

Возможно, единственной его добродетелью была привычка без сожаления расставаться с деньгами, а уж их-то у него было вдоволь. А всё потому, что его родители там за границей имели большое, прибыльное дело, и он, пользуясь этим, безмерно транжирил их состояние. Ну а в немецкую слободу он приехал всего лишь для собственного развлечения.

ния. От томного безделья и напрасного сидения у себя дома, у него возникло желание посмотреть, как живут его соотечественники в России. А приехав к ним, стал бессовестно надсмехаться над их незамысловатым бытом.

С таким неуважением и пренебрежением к родственникам, оказавшимся волею судеб на чужбине, не относился ещё никто. Тётушку он постоянно упрекал даже в самых незначительных мелочах, соседей же всячески шпынял и поучал, как им надо жить. И вообще, вёл себя так отвратительно и безобразно, как может вести себя на Руси только пришлый иноземец, которому за это никогда и ничего не будет. Бывало, выйдет на улицу, ступает по слободке, тростью своей костяной размахивает, и обязательно кого-нибудь да заденет.

– Эй, ты dummkopf (олух) чего у меня на дороге встал? А ну пошёл прочь schwein (свинья)! – орёт он на прохожего да костяшкой своей в него тычет. Уж такой стервец был, что спасу от него никому не было, ни бедному, ни богатому, всех забижал. Бедняка тростью отходит, середняка тумачами наградит, а богатого словом обругает. Да при этом всегда старался показать насколько он капиталом одарён, и нарочито кичился своим финансовым превосходством. Какой-нибудь состоятельный горожанин начнёт возмущаться да замечание ему делать, так он тут же кошелёк достанет, вынет из него ворох купюр и перед носом у того ими машет.

– Вот вишь сколь у меня денег?! На-ка бери, ... это тебе за беспокойство! Да впредь терпи, когда с тобой человек бо-

гаче тебя разговаривает! – гаркнет он горожанину, да сто-рублёвую ассигнацию в карман ему сунет. Ну, тот сразу же и присмирееет, а наглец дальше разгуливать идёт и по-прежнему всех оскорблять продолжает.

3

И вот гулял он себе так, бродил, людей будоражил, надсмехался над ними, спесь свою показывал, как вдруг в один прекрасный вечер встретился ему на пути старик Ойген Карлович собственной персоной. Впрочем, в этом нет ничего удивительного, их встреча была предрешена и неизбежна, потому как ходили они по одним и тем же улицам.

Шёл старик, как обычно ссутулившись, сгорбившись. Ступает по краю улицы, словно тень, никого не трогает, идёт не спеша, а ему навстречу хлыщ напыщенный, и даже его не замечает, смотрит высоко, нос задрал, и кто там внизу сгорбленно крадёт, его не касается. Вот и нашла коса на камень. Налетел хлыщ на старика, да споткнувшись об него в грязную лужицу, что после вчерашнего дождя осталась, со всего маха угодил.

– Ты чего это *donnerwetter* (чёрт побери) у меня под ногами мешаешься! Да я из-за тебя старый хрыч новые сапоги в грязи испачкал! Ах ты, пень трухлявый! Вот я тебя проучу! Ох, и получишь же ты сейчас у меня! – орет, разоряется хлыщ на старика, да тростью у него над головой машет, вот-вот ударит.

А Ойген Карлович спокойно стоит, молчит, не отвечает.

Достал из кармашка какую-то маленькую коробочку на вроде табакерки, крышечку с неё снял, да пальцем вовнутрь её наминать стал, как будто что там утрамбовывает. Ну а люди кои мимо них проходили, видят такое дело, остановились чуть поодаль, и давай глазеть-смотреть, что дальше будет. Уж очень им интересно стало, чем всё закончится.

Ну а хлыщ поорал так, покричал минуту-другую, повозмушался, но ударить Ойгена Карловича всё же не посмел. Может, струсил, а может взгляд у старика ему тяжёлым показался, но только спустя буквально ещё секунду он как-то вдруг быстро затих, весь скукожился, будто в росте убавил, лицом осунулся, и полегоньку дальше пошагал. Но уже не такой бодрой, как раньше походкой, а согнувшись в три погибели, сильно прихрамывая, притом изрядно опираясь на трость, которой только что тут так бравировал.

Враз переменялся хлыщ, а Ойген Карлович, как ни в чём небывало закрыл эту свою коробочку-табакерку, в карман её убрал, чинно поклонился, всем кто за этим наблюдал и, хитро ухмыльнувшись, пошёл по своим делам. А люди стоят глазами хлопают, и поверить в такие перемены не могут, старик за считанные минуты из хлыща забияки сделал немощного инвалида, заколдовал наглеца-негодяя. Но едва Ойген Карлович скрылся за поворотом, как все тут же бросились врассыпную. А уже на следующее утро вся слобода была полна слухами об этом происшествии. Пожалуй, только глухой ещё не слышал о заграничном хлыще-моднике, кото-

рый вмиг превратился в развалину.

Ну, слухи слухами, а ведь иноземному гостю и вправду очень худо стало. Все самые лучшие доктора к нему сбежались. Диагнозы ставят, хлопочут вокруг, а понять ничего не могут, почему это молодой и цветущий юноша в одночасье здоровье потерял. И каких только болезней у него не нашли, и бронхит, и рахит, и артрит и даже детскую золотуху. День его лечат, второй, а вылечить не могут. И те огромные деньжищи, которые хлыщ докторам заплатил, не помогают ему оклематься. Ну не поддаются лечению его заболевания и всё тут. А отчаянные старания докторов впустую тратятся.

– Да уж... – говорят они, – без колдовства здесь явно не обошлось... – и только головой кивают. Ну, тётушка дожидаться не стала, пока её племяннику совсем плохо станет, и давай его быстрее за границу домой собирать. Рассудила она просто, мол, климат ему наш не подходит, нахватался всяких местных зараз да хворей, вот и не лечится, а там дома тамошние доктора его сразу на ноги поставят. Заказала дорожную карету, усадила его туда и отправила подобру поздорову, только его и видели.

А уже через полтора месяца про этот случай все забывать стали, да мало ли чего ещё интересного могло случиться за это время. И вроде бы вскоре вообще всё успокоилось, но тут вдруг из-за границы пришла необыкновенная новость. Дескать, так и так, хлыщ тот неожиданно выздоровел, излечился, и от всех своих непонятных недугов изба-

вился. И случилось это, мол, потому, что он внезапно из наглеца повесы добровольно обратился в монахи и ушёл простым послушником в самую дальнюю кирху. Вот уж здесь люди изумились-поразились, а по Немецкой слободе вновь поползли пытливые слухи. Дескать, как же так получается? Выходит, старик Ойген Карлович своим колдовством вовсе и не загубил наглого хлыща, а наоборот, облагородил, новую жизнь ему дал, преобразил в духовного человека и отправил былые грехи отмаливать.

И тут люди стали припоминать другие такие же случаи, кои приключились со многими прочими состоятельными обидчиками старика. Вспоминали, вспоминали, и вдруг выяснилось, что практически все эти обидчики сейчас в городе среди почтенных людей не живут, а где-то по дальним деревням и весям обитают. Пришёл на ум и случай с зажиточным купцом скопидомом, который в не таком уж и близком прошлом спустил на Ойгена Карловича дворовых собак. Оказалось он теперь прозябает золотарём в каком-то уездном городишке на окраине самой отсталой губернии. И тут же заметили, что некий наглый чинуша с тайного приказа, кой норовил у старика домишку да аптеку за долги в свою пользу оттяпать, внезапно в Сибирь за мздоимство потянули, и он, мол, ныне где-то за Уралом в рудниках тачку катает. Да и толстого попа с соседнего прихода, что в своих проповедях о знахарских промыслах аптекарей нелестно отзывался, тоже вспомнили. Так уж вышло, что с прошлой осени он

в дремучем лесу за горбатыми горами скит себе выложит да в нём и обосновался. А к концу дня таких воспоминаний набралось большое множество.

Люди даже и не ожидали, что этот мрачного вида старик своим колдовством избавил город от скольких нерадивых и недостойных жителей, ведь, в общем-то, все эти чинуши, купцы и попы были скверными негодяями. И теперь Ойген Карлович в глазах горожан показался не таким уж и ужасным человеком. Однако страх копившийся в их душах многие годы так и остался. Насколько же всё-таки порой бывают в нас сильны старые предубеждения. И люди по-прежнему, как и раньше, а некоторые может быть и с ещё большей опаской стали избегать встреч со стариком «Карловичем», это так его принялись величать после того памятного случая.

Ну а местные ребятишки со слободки даже придумали новую забаву с таким названием – «Карлович». Чем-то она напоминала игру в прятки. Тот из ребят кто водил, тот и был «Карловичем», а кого он находил, тот сразу же поступал к нему в подчинение, и словно замороженный не смея прекословить, выполнял все его указания. Вскоре эта игра стала такой привычной, что имя Карлович не сходило с ребячьих уст. Но к самому старику недоверие всё же так и не пропало. Завидев его, ребятишки тут же убегали, стараясь не попадаться ему на глаза. Хотя и некоторые отчаянные головы могли себе позволить понаблюдать за ним издали, опасно поглядывая, как он одиноко ковыляет по городским улоч-

кам.

Впрочем, прошло совсем немного времени и его положение с одиночеством резко изменилось. Приключился один очень забавный казус, после которого некоторые жители Немецкой слободы, ставшие его свидетелем, вдруг осознали, каким же, на самом деле, человеком является старик. А случилось это так.

4

Как-то после обеда Ойген Карлович по своему обыкновению отправился на Гловинские пруды собирать целебную траву для своих снадобий. И едва он нагнулся, чтобы сорвать первый пучок, как вдруг выскочив из-за деревьев, мимо него пронеслось двое разгоряченных обломов из полицейского участка.

– Эй ты! Мальца белобрысого здесь не видал! – на ходу гаркнул один из них.

– Нет! Да я вообще только что пришёл... – лишь успел ответить старик, как обломы вновь скрылись в зарослях ивняка.

– Ну надо же такие здоровяки а мальчика ловят,... не нашли ничего другого чем заняться... – укоряюще прошептал про себя Ойген Карлович и продолжил начатое. Но тут из кустов рядом с соседней поляной выпрыгнул светловолосый мальчишка и быстро бросился бежать по тропинке, ведущей к реке.

Напрасно он это сделал, лучше бы уж сидел на месте. Вы-

скочив из укрытия, он обнаружил себя, чем тут же предпринял исход погони. Разумеется, длинноногие обломы тут же его заметили и в два счёта нагнали. И как бы он не брыкался и не вырывался из их цепких лап, всё было тщетно. Силы были неравны и обломы его прочно сковали.

– Ага, попался голубчик! Ну, теперь тебе конец,... ох и намаялись же мы за тобой гоняться! Всё хорош,... пошли в околоток,... там тебе допрос учинят,... ответишь, отчего ты важным господам жить мешаешь! – злобно пыхтя, заголосили на мальчика обломы, да волоком его потащили. Бедный мальчишка так ослаб, что совсем на ногах не держался, безвольно повис у них на руках. И так бы они его, наверное, и тащили, но внезапно в это безобразии вмешался Ойген Карлович.

– Вы бы его хоть приподняли,... а то ведь он так весь пообобьётся... – сделал он замечание.

– А ты ещё кто такой чтобы нам указывать! – проходя мимо старика, гаркнул старший из обломов, и свободной рукой ткнул его в грудь. Ойген Карлович пошатнулся слегка, отпрянул чуток, и тут же метнул в обидчика такой грозный взгляд, что того сразу парализовало. Здоровяк вмиг встал как вкопанный, не смея дальше и шага ступить, а его напарник, не совсем ещё понимая, что произошло, резко замер и уставился на старину Карловича.

– Это ещё что такое? Ты чего это дед наделал? – тупо вытаращив глаза, заорал он.

– А ты сам-то как думаешь? – спокойно, словно ничего и не случилось, переспросил его старик.

– Да я-то, откуда знаю,... это же ты чудишь! Мы-то чё,... мы люди служивые,... нам велено пацана споймать и в околоток отвезть,... то мы и делаем,... а тут ты явился, да фокусы свои кажешь! – обалдев от столь неожиданного вопроса, грубо провопил напарник.

– Вот и я про то же,... каждый должен занимается своим делом,... и должен им заниматься добросовестно,... а вы что творите? Два здоровяка оболтуса над мальчонкой издеваетесь,... да ещё и меня, старца почтенного, обидеть норовите... так дела не делаются. Я ведь вам по-доброму, по-хорошему замечание сделал, а вы в меня своими ручонками тычете... – тщательно выводя каждое слово, произнёс Ойген Карлович и медленно в потайной кармашек за своей коробочкой-табакеркой полез.

А меж тем на пригорке, что напротив пруда высился, разного народу целая куча набежала, и все смотрят, что дальше будет. Ну а облом чует, старик перед ним какой-то необыкновенный стоит, струхнул слегка, и давай уже по-другому разговор вести.

– Ты чего это дедуля затеял?... погоди-ка не серчай,... ты ведь пойми, наше дело подневольное,... нам приказано мы и выполняем. А то, что старшой тебя толкнул,... так ты уж прости его,... ему сейчас и так несладко. На нём вчерась наш главный полицмейстер злобу свою вымещал,... шомпо-

лом по спине ни за что, ни про что отходил,... вот он и сам не свой... – оправдываясь, залепетал он.

– Вона как! Значит и вас жизнь не милует,... ну тогда ладно, отпущу я твоего старшого,... сниму с него оторопь,... но только уж впредь вы смотрите, зазря людей не забирайте и понапрасну их не трогайте! Коль уж несёте службу, так несите её честно и достойно, а не абы как! Вот чего вы к мальцу привязались? Чего он такого плохого сделал, что вы с ним так немилосердно обошлись? – убрав табакерку и быстро избавив старшего облома от чар, деловито спросил Ойген Карлович.

– Да мы и сами толком не знаем, что он такого натворил,... – очухавшись, заговорил старший, – сказали только, что он постоянно возле нового дома бурмистра Урента болтается,... и вроде мешается там. Вот нам и велели его споймать,... ну мы и пошли,... к дому подходим, видим он там, рядом сидит,... ну мы к нему, а он от нас сюда к пруду бежать. Мы за ним,... и вот уже целый час его ловим,... насилу изловили,... потому-то так и озлобились,... а тут и ты под руку попался. Ты уж извини меня старик,... не сдержался я... – повинно признался старшой и даже поклонился.

– И всего-то грехов у мальчонки, что он у чужого дома сидел!? Ну, это уже никуда не годиться,... важные господа со своими замашками совсем обнаглели! Вот что служивые,... как я погляжу, вины его ни в чём нет,... а вы вон его как помяли,... нехорошо это, грешно! Его бы сейчас подле-

читать надо, а не в околоток тащить! Так что давайте-ка мы с вами вот как уговоримся,... я вам пообещаю, что малец возле дома бурмистра больше никогда не появится,... а вы сделаете вид, будто и не ловили его,... отпустите, и передадите мне. А я его вылечу и у себя при хозяйстве оставлю,... всё мальчишке дело будет,... ну как годиться? – хитро прищурившись, предложил старик.

– Ну, вообще-то это можно,... честно говоря, нам и самим-то не по душе за ним гоняться,... но вот только вдруг он опять у дома бурмистра шастать начнёт,... что тогда? А ведь если его там увидят, то нас за это не помилуют,... снова высекут! – засомневался старший облом.

– Ну, это уж ты мне поверь,... раз я обещаю, что он там больше маячить не будет, то так оно и станется! И это дело моё, как я того добьюсь,... ты главное не сомневайся, думай быстрее! А я тебе с напарником за ваши терзания по золотой монетке отвешу,... уж больно мне на вас смотреть жалко, как вы страдаете,... ну, соглашаетесь служивые,... и вам веселей и для меня польза! – вновь настойчиво предложил старик и ловким движением вынул из-под подкладки две блестящие золотые монеты.

Ну, тут у старшего глаза сразу засияли, все его сомнения ясное дело вмиг улетучились и он, почтенно забрав у старика монеты, передал ему мальчонку. В ту секунду обломы, довольно заржав, отправились в ближайший кабаk обмывать дармовую добычу. Ойген Карлович же быстро успокоив раз-

волновавшегося мальчика засеменял с ним к себе в домишко.

А люди, что собрались на пригорке, увидев такую развязку, только ахнули и развели руками. Вот уж чего они ещё не видели в Немецкой слободе, так это, как старик-германец, коего принимали, чуть ли не за исчадие ада, мальчишку от верного заточения спас. Ну как тут не поверить в чудеса, и по слободе вновь поползли неуёмные слухи, один другого невероятней.

5

Ну а Ойген Карловичу было не до слухов, у него в доме теперь поселилась ещё одна живая душа, что в корне меняло весь его прежний уклад. Мальчонка оказался живучим, и, не смотря на то, что обломы его основательно помяли, быстро пошёл на поправку. Старик применил к нему свои излюбленные средства лечения; дал выпить янтарных пилюль, приложил бодяжьи примочки, втёр мяты в виски, а к ушибленным местам умудрился поставить пиявок. И это дало моментальный результат, все синяки и шишки мгновенно рассосались, а головная боль прошла.

Однако помимо всех этих несущественных недугов мальчишке докучала и ещё одна беда. Оказалось, он был сильно истощён. Складывалось такое впечатление, будто малец не ел целую вечность. От мучившего его голода первое время он даже потерял дар речи и не мог говорить. Прошла почти уже неделя с его появления у старика, а он всё так и не сказал ни единого слова, лишь мычал да изъяснялся же-

стами. Ойген Карловичу пришлось приложить немало усилий, прежде чем он услышал от него первую внятную фразу. Наконец-то как-то вечером после ужина сидя на кухоньке за столом мальчонка всё-таки заговорил.

– Спасибо... – вдруг тихо прошептал он и благодарно улыбнулся.

– Ну, вот и хорошо,... сказал первое слово,... да ещё и какое слово,... молодчина,... так держать! А как же тебя звать-то,... как мне тебя величать?... ведь я так до сих пор и не ведаю твоего имени... – тоже разулыбавшись, удовлетворённый результатом своих стараний, спросил Ойген Карлович. – Гюнтер... – всё также тихо ответил мальчуган.

– О как! Так это же германское имя,... ты что же, тоже с Немецкой слободы будешь? Впрочем, ведь я здесь всех знаю,... а вот тебя не видел,... откуда же ты тут взялся,... и что с тобой такого приключилось, отчего же ты так истощал? – заботливо пододвинув мальцу кружку с водой, поинтересовался старик.

– Нет, я не со слободы,... мы с родителями за городом на торфяных разработках жили,... снимали там небольшую каморку,... хотя и мы тоже из Германии приехали,... правда, это было очень давно,... я тогда ещё совсем маленьким был. Отец мой на тех разработках инженером служил,... а матушка воспитывала меня, да по хозяйству хлопотала. Денег у нас мало было,... не хватало, чтобы в слободе добротный дом построить. Но вот однажды отцу повезло,... его озарило,...

и он каким-то чудом нашёл разумное и практичное решение одной очень трудной проблемы. А это решение дало владельцу торфяных разработок огромную прибыль. И он на радостях выплатил отцу большую премию, которой как раз хватало на постройку нового дома, здесь в Немецкой слободе. Отцу самому было некогда заниматься этим, ... навалилось много работы, ... и он доверил это своему давнему знакомому. Они вместе обучались инженерному делу ещё там, дома в Германии. Но тот его обманул, ... деньги присвоил, и выстроил дом себе, ... а на отца с матушкой донос написал, ... пришли солдаты из тайного приказа и увели их куда-то. Сам-то я толком не знаю, как всё случилось, ... меня тогда рядом с ними не было, я в лес за ягодами ходил, ... мне об этом потом добрые люди рассказали. Ну а дальше я пошёл их искать, ... но всё напрасно, ... нашёл только тот дом, за который заплатил мой отец. Это и был тот новый дом бурмистра Урента, ... а сам Урент и есть тот давний знакомый моего отца. Потому-то я и сидел возле его дома, ... внутри меня тогда всё клокотало и бурлило, ... хотелось с ним поговорить, ... высказать всё, ... в глаза ему, наглomu лжецу, посмотреть, ... а он на меня служивых натравил. Вот такая история приключилась со мной и с моей семьёй. ... – тяжело вздохнув, закончил свой рассказ Гюнтер.

– Да уж, вот так дела! Обманывать своих же соотечественников, ... низкое это дело, ... на такое способен только самый отпетый негодяй! Да ещё и таким иезуитски-вероломным

способом от них избавился,... ну надо же, наклепал донос и в острог отправил! Ну, бурмистр, ну и подлец! Понимаю твоё негодование и возмущение, кое ты испытывал, когда сидел там у его дома! Я бы на твоём месте может быть и тоже глаза ему мозолил да к совести призывал,... но я не ты,... и у меня есть свои способы воздействия на подобных мерзавцев,... я привык по другому бороться с такой несправедливостью. Ну, это ладно, потом возьмёмся,... а сейчас как я погляжу, паренёк-то ты смекалистый,... вон как ты изрядно во всех каверзных делах разобрался, знаешь, что к чему,... видать мать с отцом хорошо тебя воспитали,... значит выйдет из тебя толк, порядочным человеком вырастишь... – внимательно выслушав мальчика, заметил Ойген Карлович.

– Это да,... это они меня всему научили! Я им многим обязан,... мне бы теперь найти их,... узнать бы, где они,... да помочь им.... – взволнованно откликнулся Гюнтер.

– Ничего найдём,... и твоих родителей найдём, и бурмистра накажем,... погоди, дай срок, со всем справимся. А пока родных твоих ищем, я для тебя их заменой стану,... негоже тебе одному по слободе бродить, будешь у меня жить,... отныне зови меня по-простому, как все кличут – дед Карлович! А кто начнёт тебя спрашивать, кем ты мне приходишься, то говори, мол, пасынок ты мой, из-за границы приехал,... и добавь, что если станут к тебе приставать, то дело со мной иметь будут! А сейчас ложись-ка ты отдыхать,... а то пока мы тут с тобой разговор ведём, вона как ты притомился,...

аж побледнел весь, касатик... – проникшись к мальчугану сочувствием, добродушно улыбнулся старик, и уложил беднягу спать.

Так с этого вечера, с этой минуты у них началась новая и совершенно иная жизнь. Теперь она была вся без остатка подчинена только двум стремлениям, разыскать родителей Гюнтера и воздать бурмистру Уренту по его заслугам. А для этого им надо было запастись терпением и набраться свежих сил. Уж на что Ойген Карлович был крепким стариком, однако и он в последнее время стал замечать, что нет-нет, да и утомиться раньше срока, как-никак возраст. Оттого ему на ум пришла здравая идея, готовить себе приемника.

И тут как раз выпал подходящий случай, в его доме появился Гюнтер. А лучшей кандидатуры для передачи всех своих накопленные знаний и навыков, ему было и не найти. А потому, не тратя времени даром, он тут же взялся за его обучение. И первым делом Ойген Карлович начал с самых простых и обыденных навыков, с приготовления примочек, взращивания пиявок, закваски мазей, варки настоек, в общем со всего того что могло бы сразу принести результат. Впрочем, при помощи всех этих нехитрых средств можно было врачевать не только те раны, что были нанесены физическим путём, но и те, что причинялись душевными муками.

Например, в обиходе у старика были такие снадобья, посредством которых, человек мог бы запросто избавиться от переживаний связанных с любовными терзаниями. Стои-

ло только безответному влюблённому выпить в полнолуние секретной настойки из цветов белены приготовленной особым способом, как болезненное томление души тут же исчезало, а былые невзгоды казались лишь мучительным сном. Человек вновь становился бодрым, весёлым и устремлённым к новым свершениям.

И таких чудесных снадобий с загадочными свойствами у Ойген Карловича было великое множество. Применяя их, он исцелил невероятное количество разбитых сердец страдающих от неразделённой любви. А таких, увы, и сейчас встречается немало. И так уж получается, что на самом-то деле за внешностью странного старика-чернокнижника скрывался добрый лекарь-чародей с чистой и благородной душой помогающий юным умам обрести уверенность в себе. Ну не зря же говорят, «не всё является тем, чем, кажется на первый взгляд».

Однако не только это было главным занятием старика. Основной же особенностью Ойген Карловича было умение перенаправлять злую и порочную человеческую сущность в доброе и положительное русло. Вот именно за этим-то занятием его неоднократно и заставляли горожане, наблюдавшие, как он влияет на своих обидчиков. Вспомнить хотя бы ту историю с хлыщём-модником, кой так быстро переменялся после встречи с Ойген Карловичем. И в этом случае, впрочем, также как и во многих других, немаловажную роль сыграла та самая коробочка-табакерка, которую старик всегда

доставал из своего потайного кармашка.

Встретившись лицом к лицу с грубостью, наглостью, злобой, а порой даже и с жестокостью, именно в неё-то он и собирал всю ту чёрную субстанцию, что изрыгал на него обидчик. Плотнo утрамбовывая её в табакерку, старик лишал орущего человека его тёмной сущности, а тот потом перевоплощался в кого-нибудь безвредного индивида; в отрешённого отшельника, в трудолюбивого золотаря, в городского юродивого или же в богомольного монаха, как это и произошло с тем хлыщём-модником.

А тёмную сущность и злобу что оставалась от них в табакерке, Ойген Карлович впоследствии перерабатывал в нечто доброе, светлое, полезное, и передавал это простым людям, работягам и беднякам с Немецкой слободы. Таким образом, он хоть как-то компенсировал им ту несправедливость, которая творилась вокруг. Например, той грубости, злости и наглости, кою он забрал у хлыща-модника, после её переработки в добрую щедрость, хватило, чтобы осчастливить многочисленную семью бедного портного прозябавшего на задворках Кукуя. До этого портняжке совершенно не везло. У него не было, ни нормальных заказов, ни нужных тканей, ни крепких ниток, но стоило ему только заполучить от старика загадочный талисман, как всё тут же переменялось, дела пошли в гору и теперь он мог уже и сам помогать другим людям.

А надо отметить, что старина Ойген Карлович по части

перемен был вообще великим чудесником. Правда, все свои чудеса он старался делать так, чтобы со стороны его радения никто не замечал. Невзирая на всю свою великую волшебность, старик был человеком скромным и не любил всеобщей огласки его добрых дел. И вот сейчас он все свои необыкновенные навыки и умения передавал так полюбившемуся ему Гюнтеру. А тот в свою очередь, будучи смышленным и прилежным учеником быстро их перенимал.

Однако в некоторых чудесах старика крылась своя условность. А заключалась она в том, что переработать и пользоваться собранной в табакерку тёмной субстанцией мог лишь тот человек, против которого она и была направлена. Иначе говоря, если её собрал Ойген Карлович, и она касалась непосредственно его, то и превратить её в доброе дело мог только он. И такая условность стала непреодолимым препятствием для того, чтобы незамедлительно начать оказывать воздействие на главного злодея и обидчика, бурмиистра Урента.

Всё упиралось в то, что это именно он сотворил зло с семьёй Гюнтера, а потому только Гюнтер и никто иной, ни Ойген Карлович, ни какой другой человек не мог его наказать. Но Гюнтер пока ещё не умел собирать тёмную сущность в табакерку и делать из неё средство возмездия, оттого-то и наказание бурмиистра немного задерживалось. Да и своей собственной табакерки у Гюнтера тоже пока ещё не было, а она являлась неотъемлемой частью чародейства. При этом табакерка должна была быть сделана им самим, да ещё

и из определённого сорта дерева, которое следовало обрабатывать только в полнолуние.

Уж таковы законы волшебства и с этим ничего не поделаешь. Так что у Гюнтера появилось ещё несколько дополнительных забот. Но всё же главной его заботой так и оставалась судьба его родителей, пока же она была туманной, а их поиски не приносили должных результатов. Их исчезновение было окутано тёмной тайной, и ради того, чтобы её хоть чуть-чуть приоткрыть и выйти на их след, старику с Гюнтером приходилось изобретать самые мудрёные придумки.

6

И вот так постепенно с начала поисков прошёл целый месяц. Гюнтер за это время изрядно окреп, набрался сил, задора и достаточных знаний для того чтобы перейти к заметным действиям.

– Ну что же, теперь у тебя есть навыки для самостоятельного воздействия на человеческий разум! И пусть люди называют это на греческий лад гипнозом, или ещё как по-другому, ... но я-то считаю, что это и есть самая настоящая магия, ... а ты к ней на редкость способный оказался! Честно говоря, я даже и не ожидал, что ты за столь короткий срок усвоишь все её основные начала, ... думаю, это получилось благодаря твоему природному уму и смекалке, ... я очень рад за тебя и твои успехи... – заметил как-то на прогулке Ойген Карлович, в очередной раз, проверяя полученные Гюнтером знания. В последнее время они частенько выходили на Го-

ловинские пруды, и там вольно гуляючи среди аллей парка, как бы между прочим, устраивали некое подобие экзамена на чудеса.

– А я и сам крайне рад этому, учитель,... но вот только когда же мы сможем применить всё это для розыска моих родителей! Уж больно я за них переживаю,... столько времени прошло, а мы ещё ничего существенного про них так и не узнали,... всего лишь одни намётки... – обращаясь к старику как к учителю, а он теперь его только так и называл, спросил Гюнтер.

– О, я уверен с ними не всё так плохо как тебе кажется,... иначе бы ты это немедленно почувствовал,... ведь между вами существует невидимая связь и она бы сразу тебе подсказала насколько им худо,... ну а пока никаких сигналов нет,... так что я думаю у них всё более или менее терпимо. Однако это не значит, что нам не надо поторапливаться,... и, кстати, я уже кое-что проведал. На днях мне удалось узнать имя одного из тех солдат, кои тогда забрали твоих родителей,... и я даже выучил некоторые из его привычек. Ну а вот дальше ты должен действовать сам, ибо так гласит закон магии,... ведь он твой обидчик, и потому лучше тебя никто не сможет выведать у него, куда он со своими подельниками увёл твоих родных. Я же буду тебя лишь скромно направлять, да чуток помогать,... ну как, ты готов начать? – пояснив некоторые нюансы дела, спросил старик.

– Конечно! Да я хоть прямо сейчас готов идти к этому

солдату и выведать у него всё! – пылко ответил Гюнтер.

– Ну, вот и похвально! Хотя идти-то никуда и не придёт-ся, ... я заранее прознал, что этот служака по вечерам вместе со своей невестой любит прогуливаться по аллеям этого парка. Так что буквально через несколько минут они будут здесь, ... приготовься, настройся, соберись и примени к нему, все свои лучшие навыки коим я тебя обучил, ... и это, кстати, станет для тебя ещё одним испытанием, и от него многое зависит. Не оплошай, сынок, будь внимателен... – спокойным голосом настроив Гюнтера на нужный лад, мягко сказал старик и по-отечески похлопал его по плечу. А именно этого-то сейчас Гюнтеру и не хватало. И после столь уверенного наставления он был готов незамедлительно встретиться со своим грозным обидчиком. А тот и не заставил себя долго ждать.

В ту же минуту на аллее, ведущей к пруду, под ручку со своей невестой показался солдат. Гюнтер широкими шагами выступил ему навстречу. Но едва они поравнялись, как произошло нечто выходящее за рамки человеческого понимания. У невесты солдата внезапно подкосились ноги, она взмахнула руками, и сильно задрав голову, стала падать спиной прямо на острый торчащий из земли пень. Казалось бы, беды уже не избежать, острая щепка вот-вот пронзит бедняжку. Но вдруг невеста резко дёрнулась, застыла в воздухе, и буквально зависла в нескольких дюймах от пня. Служивый, разумеется, тут же бросился к ней, но сделать ничего

не смог, ни подхватить её, ни сдвинуть с места, ни поймать, да что там говорить, он даже коснуться её не мог.

– Это ещё что такое?! Любимая что с тобой,... что случилось? – ничего не понимая, нелепо прыгая вокруг невесты, голосил он. Но тут в дело вступил Гюнтер.

– Что солдатик... не получается ничего?... любимая-то твоя замерла между небом и землёй, а ты ей и помочь ничем не можешь! А ну как она сейчас отомрёт да прямо у тебя на глазах на острую щепу рухнет,... что тогда делать станешь,... кричать да плакать начнёшь? Кого в её гибели винить будешь,... на кого грех повесишь, что дорогого человека не уберёг? – встав перед солдатом, звонко воскликнул он.

– А ты кто такой чтобы так со мной говорить!? Что за вошь такая? – грубо отозвался служивый.

– И ты ещё спрашиваешь! Эх, солдатик-солдатик,... память-то у тебя короткая! Да я, тот самый мальчишка, которого ты месяц тому назад лишил отца с матерью! Вспомни-ка,... как ты тогда со своими сотоварищами пришёл к нам в дом,... вы схватили моих родителей и увели неизвестно куда,... ну, помнишь!? Ты тогда отобрал у меня самое дорогое, что было в жизни,... а теперь я отвечу тебе тем же,... отниму у тебя твою любимую, и ты не сможешь мне ничем помешать,... я причиню тебе такую же боль, как ты мне тогда доставил! Ну что, сейчас-то ты понял кто я такой!? – высоко подняв голову, гордо заявил Гюнтер.

– Нет-нет, не надо, не делай этого,... оставь мою любимую

в покое, ... не трогай её, она же ни в чём не виновата! Я всё вспомнил, ... мы ведь тогда никому не хотели причинить зла, ... нам было приказано, мы и выполняли! Не кори ты меня, не мсти, ... дай возможность исправиться! Что мне для тебя такого сделать, чтобы искупить свою вину? – вмиг поняв, о чём идёт речь и, осознав, что он столкнулся с непростым мальчишкой, взмолился солдат.

– Ага, ну значит вспомнил! Лишь тогда я позволю ей не упасть, когда ты скажешь, где мои родители, ... отвечай, куда вы их отвезли? ... и даже спорить со мной не смей, говори! – ещё суровой насупившись, потребовал от солдата Гюнтер.

– Но я не могу тебе этого сказать, ... это же военная тайна, ... нас уверили, что они опасные государственные преступники, ... мол, они готовили покушение на бурмистра, угрожали ему и хотели убить! Да с нас за эту тайну, клятву вытребовали! – раздосадовано выкрикнул солдат.

– Ну что же, тогда ты мне не оставляешь выбора, ... твоя невеста сейчас просто расшибётся, ... и всё из-за чего, из-за того что ты дал клятву какому-то там бурмистру! Да ты хоть знаешь, кого ты защищаешь? ... ох, чую, нет! Ну, так я тебе открою глаза, кем на самом деле является бурмистр! Он хитрый, изворотливый вор и вероломный обманщик! ... а тебя с сотоварищами он использовал как солдафонов-олухов для прикрытия своих грязных делишек, ... и уж ты мне поверь, я знаю что говорю! Ну, ... ты и теперь готов рисковать своей

невестой ради благополучия этого негодяя? – быстро пояснив солдату, что к чему, спросил Гюнтер.

– Нет, пожалуй, не готов, ... я поверю тебе, и пусть всё будет по-твоему! Ну а уж если ты говоришь, что бурмистр вор и лжец, ... так значит, он и есть настоящий виновник всех твоих бед, ... и я думаю, тебе не стоит срывать зло на мне и моей невесте! Я всё тебе расскажу, ... твоих родителей мы отвезли в старую заброшенную крепость на Яузе, ... там уже давным давно никто не служит и бурмистр приспособил её под свои нужды. Кроме нескольких его верных слуг в ней сейчас никого нет, ... вот им-то мы и передали твоих родных. А что было потом, ты уже знаешь, ... бурмистр заткнул нам рот клятвой и велел молчать, ... иначе грозился выгнать со службы и лишить военного звания, а ведь для солдата это главное! Ну, вот и всё что я могу тебе сказать ... – искренне признался солдат.

– А этого и достаточно, дальше я уже сам разберусь. Ну а теперь лови свою невесту, ... но знай, как только ты её коснёшься, так сразу же забудешь обо всём, что мы сейчас здесь говорили. И ещё, ... впредь ты станешь выполнять лишь самые честные и справедливые приказы своих командиров ... – понизив голос почти до уровня шёпота, тихо, но уверено произнёс Гюнтер, чуть заметно взмахнул рукой, и невеста солдата тут же отмерла. Служивый мгновенно подхватил её, и, не дав ей упасть на острый пень прижал к себе.

– Ну что же ты так неосторожно, милая, ... споткнулась

о веточку, бедняжка... – улыбаясь, сказал он, и в сей же миг из его головы улетучились все воспоминания о встрече с Гюнтером, он о ней просто забыл, впрочем, как это ему и было велено. Влюблённые быстро обнялись, весело засмеялись, и как ни в чём не бывало, последовали дальше.

И едва они отошли на пару саженой, как острый и такой, казалось бы, опасный пень в момент растаял, словно его и не было. И это не мудрено, ведь он был всего лишь миражом созданным Гюнтером для того, чтобы напугать солдата. А надо отметить, ему это неплохо удалось. Теперь Гюнтер уже не держал зла на служивого, он умел прощать обиды, и сейчас приветливо улыбаясь вслед парочке, ждал, когда к нему подойдёт Ойген Карлович, а тот и не замедлил этого сделать.

– Да уж, ловко ты всё провернул, молодец,... будто по нотам разыграл,... поздравляю, показал настоящие мастерство чародейства,... и ведь главное, они не поняли, что произошло, а это высший класс! – похвалил он Гюнтера, поздравив его с первым крещением.

– Спасибо за столь высокую оценку, учитель! Однако всё это у меня получилось только благодаря тебе,... и теперь мы знаем, где бурмистр прячет моих родителей,... идём же скорей в крепость и вызволим их оттуда! – радуясь своему успеху, воскликнул Гюнтер.

– Так-то оно так, но готов ли ты вновь соприкоснуться с трудностями,... не утомился ли ты? Ведь там будет уже

не один простой рядовой солдат, а несколько вышколенных слуг бурмистра,... а я слышал, они задаром свой хлеб не едят,... уж больно они злы и сильны! Может тебе сначала передохнуть чуток? – предостерегая от поспешности, тут же спросил старик.

– Нет что ты,... я теперь ни за что не отступлюсь от намеченного! И никакие там вышколенные слуги, пусть даже они и четырежды сильнее самого чёрта, не остановят меня! За отца с матушкой я готов сразиться с любым! Да у меня сейчас столько сил, что передышка мне целый год не нужна будет! – нетерпеливо воскликнул Гюнтер, жёстко подтвердив свои намерения.

– Ну что же, тогда идём,... я знаю, где стоит эта крепость,... но только уж ты мне обещаешь, что по-прежнему станешь применять свои навыки лишь в таком виде, как я тебя учил,... с толком и без лишней жестокости! Я не хочу, чтобы помимо твоих обидчиков пострадали ещё какие-нибудь люди... – настоятельно попросил Гюнтера Ойген Карлович, видя, как он решительно настроен.

– Обещаю учитель, что я и впредь все свои навыки стану направлять лишь на благие дела! – немедленно заверил его Гюнтер, и они, не колеблясь, отправились в путь.

7

Дорога до крепости не заняла у них много времени, к вечеру они были уже у её стен. Старая крепость была возведена ещё в пору правления царя Петра. В те времена она вы-

полняла важную роль несокрушимого форпоста на подступах к столице. Но и сейчас, по прошествии многих лет, она не утратила своей былой неприступности. Стены её были всё также высоки, а ворота крепки, и чтобы вот так сходу перемахнуть через них, нечего было и думать.

Здесь, в укромном уголке, в густом лесу, на крутом пригорке окаймлённым изгибом реки, крепость и на самом деле стала идеальным местом для тёмных делишек бурмистра. Недаром же до сих пор так никто и не решился проникнуть в неё, и проведать, что же твориться за стенами этой мрачной обители. Так что перед Гюнтером и его учителем стояла непростая задача. Однако как бы стены ни были высоки, а ворота крепки, всегда найдётся способ преодолеть их, особенно когда за дело берутся такие непревзойдённые чародеи.

– Ну, я бы сказал здесь без особенной магии не обойтись, ... обычными средствами нам эти стены не преодолеть... – осмотрев крепость со всех сторон, заключил Ойген Карлович.

– Ты прав учитель, ... через стены нам не перепрыгнуть и таким образом вовнутрь не попасть, ... но у меня есть одна очень интересная идея, ... я сделаю так, что охранники сами впустят нас через ворота... – вдруг как-то загадочно улыбнувшись, заметил Гюнтер.

– Это как же? ... просто постучишься и скажешь, впустите меня?... А ты не боишься, что эти же охранники возьмут да, как это бывало в незапамятные времена, окатят тебя сверху

из чана раскалённой смолой? – заметив, что его ученик задумал нечто оригинальное, хитро прищурившись, спросил Ойген Карлович.

– Нет, не боюсь, ... потому как, своего хозяина они не станут шпарить кипятком! – весело подмигнув, быстро ответил Гюнтер.

– Вот оно как, ... и кто же это тут у нас хозяин? ... уж не ты ли? – лукаво улыбнувшись в ответ, вновь спросил старик.

– А вот это мы сейчас и посмотрим, кто здесь хозяин! – чуть заметно разминая себе лицо, заявил Гюнтер и прямо на глазах у учителя начал преобразаться в бурмистра.

Он как будто даже подрос и стал выше на голову. Теперь он сделался скорее ростом со взрослого мужика, нежели чем с двенадцатилетнего подростка, каковым он и являлся на самом деле. Лицо его приобрело черты схожие с обликом Урента, и внешне он стал почти неотличим от прототипа. Однако и этого было мало, бока его округлились, щёки надулись, кадык выпер наружу, а в голосе появились нотки хрипотцы, и теперь любой человек, взглянувший на него, признал бы в нём бурмистра. Чудесная магия Гюнтера сработала насколько безукоризненно, что Ойген Карлович даже на секунду обомлел, поразившись такой силе его перевоплощения.

– Да ты самого меня превзошёл, ... ну вылитый бурмистр, ... даже я бы не смог сделать ничего лучшего! – удив-

лённо воскликнул он.

– Ну, так это же хорошо... значит, у нас всё получится... а ты учитель тогда временно станешь при мне исполнять роль его приказчика Ёхана... – уже не своим голосом сказал Гюнтер и уверенно постучался в крепостные ворота. Минуту другую за ними было тихо, но вот кто-то негромко закашлялся и раздался грубый крик.

– Это кого ещё там на ночь глядя принесло? Какого лешего стучится? – проорал недовольный бас. В тот же миг маленькое смотровое окошечко на воротах открылось, и в его проёме показалась страшная физиономия. Однако её появление несколько не испугало Гюнтера, ни одна жилка не дрогнула на его лице.

– Ты чего орёшь, олух... не видишь что ли, кто перед тобой стоит... а ну отворяй! – дерзко воскликнул он и даже пнул по воротам.

– Ух, ты, святые угодники... сам хозяин пожаловал! – оторопело воскликнула физиономия, окошечко в ту же секунду закрылось, и с другой его стороны сразу забренчали засовы.

– Всё идет как надо... он признал во мне Урента... – тихо прошептал Гюнтер Ойген Карловичу и оба довольно переглянулись. В этот момент входная створка ворот отворилась, и из-за неё высунулся здоровенный мужик с головы до ног обвешанный какими-то немислимыми дубинками и кинжалами.

– Ох, а мы-то здесь и не ведаем, что вы придёте, ... ведь обычно предупреждаете, а тут на тебе... – угоднически улыбаясь, залепетал он.

– А вот так мне вздумалось! Решил вас проверить да на пленников своих посмотреть! Ну и где они тут, ... веди меня к ним, показывай быстрее, ... а то нам с Ёханом разгуживать особо некогда, надобно ещё и в тайный приказ успеть заехать... – сходу заявил Гюнтер и уверенной походкой вошёл во двор крепости, Ойген Карлович торопливо засемянил за ним.

– Да как же это так, ехать-то?... вы вон пешком пришли, ... ни кареты, ни брички, за вами не видать... – выглянув за ворота вдруг с каким-то сомнительным подозрением заметил здоровяк.

– Не твоё это дело обалдуй как мы сюда добрались, ... твоё дело служивое, крепость охранять, а не меня выспрашивать! Но чтоб ты знал, бричку мы у реки оставили, ... и притом намерено, дабы к вам потихоньку подкрасться и врасплох застать, ... понял теперь? И более мне вопросов не задавай, пока я сам тебя о чём-нибудь не спрошу! – почуяв, что они с учителем чуть было не попались, нарочито грозно прикрикнул на здоровяка Гюнтер.

И не зря, здоровяк так испугался его окрика, что больше уже ни в чём не сомневался. Но тут на шум, поднятый ими, из сторожевых башен повылезли и другие слуги. И теперь неожиданных гостей во дворе крепости встречало ещё пяте-

ро дополнительных охранников. И как нестранно все пятеро тут же признали в Гюнтере своего хозяина бурмистра Урента, а в Ойген Карловиче его приказчика Ёхана.

– Добро пожаловать благодетель,... рады вас видеть,... может чарку поднести, иль чубук табаком набить... – подбостранно заголосили они, бросившись наперебой предлагать свои услуги.

– Некогда мне тут с вами пить да курить,... займитесь-ка лучше делом,... вон звёзды на небе посчитайте! А я к узникам пойду,... хочу убедиться в их сохранности,... они мне вскорости для одного очень важного дела понадобятся... – строго прикрикнув на пятёрку охранников, властно заявил Гюнтер и уверенным шагом последовал за сопровождающим его здоровяком. Ойген же Карлович, напротив, никуда не пошёл, а задержался.

– Надо бы приглядеть за этими обломами-битюгами,... как бы они чего не натворили... – подумал он и на всякий случай взял наизготовку свою волшебную табакерку, мало ли, вдруг бы эти глупые битюги стали проявлять излишний интерес.

Однако старик напрасно опасался, охранники быстро встали вокруг него, задрали головы вверх и, как истуканы, уставившись в вечерние небо, принялись считать на нём первые восходящие звёзды. А меж тем Гюнтер, быстро следуя за здоровяком, уже спустился в подземелье и оказался у дверцы темницы, за которой томились его родители.

– Вот они, тут,... в целости и сохранности,... я сегодня приносил им еды, были в полном порядке... – натужено прохрипел здоровяк и открыл ему дверь.

– Это хорошо,... а сейчас дай-ка мне светильник и ступай наверх,... подожди снаружи,... я без тебя с ними переговорю,... мне тут лишние уши не нужны... – приказным тоном заявил здоровяку Гюнтер и, забрав у него светильник, выпроводил вон. В следующую же секунду Гюнтер был внутри темницы и, освещая её своды, вглядывался в лица своих родителей.

– Отец... матушка,... это я, ваш сын Гюнтер,... пришёл за вами,... не отворачивайтесь от меня, посмотрите внимательней,... это я, только у меня сейчас немножко чужой вид... – тихо, почти шепотом, словно боясь их спугнуть, произнёс он.

– Кто? кто ты? – поначалу не разобрав ни его голоса, ни внешности, спросили родители. Но тут свет от фонаря упал ему на глаза, и они, заглянув в них, сразу же признали своего сына.

– Сынок милый,... да неужто это ты,... да как же ты здесь очутился? А мы-то уже думали, что больше никогда тебя не увидим,... ах, ну как же ты изменился,... вырос, повзрослел,... сам на себя не похож,... даже глазам не вериться что это ты... – радостно запричитали родители и бросились обнимать и целовать его.

– Тихонько родные, тихонько,... я вам потом всё объяс-

ню, сейчас некогда,... я здесь не один, а с моим учителем,... он мне помогает вас от бурмистровых слуг освободить,... он там наверху их отвлекает,... а они меня за Урента приняли, вот я у вас и очутился. А теперь давайте-ка побыстрее уходите отсюда,... но только вы идите скорбно без радости, словно вы отрешённые узники, а не спасённые сыном родители,... всё поняли? Ступайте впереди меня, да сразу к воротам идите,... и не оборачивайтесь,... мой учитель проводить вас, а я чуть погодя догоню... – наказал родителям Гюнтер и вывел их из темницы.

А они так и сделали, как он сказал, впереди его пошли, и только из подземелья наверх поднялись, как сразу же к воротам подались. Ойген Карлович их увидел и скорей к ним поспешил, под руки их взял, собой прикрыл и наружу повёл. А слуги-битюги видят что-то тут не то, переглянулись меж собой, да быстрее вдогонку кинулись, но только не успели. Гюнтер наверх из подвала вышел да как гаркнет на них.

– А ну-ка стоять олухи! Кто это вам велел с места сходить!? И шагу без моего ведома делать не смей! А пленников я с собой заберу,... не нравиться мне, как они тут у вас сидят,... уж больно вольготно,... вместе со мной в тайный приказ поедут,... там их определю! – резко заявил он и для острастки аж ногой притопнул.

– Как скажешь хозяин! Для нас твоя воля закон, что прикажешь то и выполним! – испугавшись такого гонора, в один голос заорали битюги и разом вытянулись по стойке «смир-

но».

– Вот так-то оно лучше будет,... а то ишь задёргались без спроса! Так значит говорите вы готовы выполнить любой мой приказ,... ну что же, это хорошо,... устрою-ка я вам тогда наказание за то, что вы тут так расслабленно живёте,... вон какие бока поотъели, ряхи словно у кабанчиков в загоне! Жирок-то вам порастрясти надо! Вот вас тут шестеро голубчиков,... ну так встаньте-ка парами да за руки возьмитесь,... будете у меня сейчас взамен отдыха и сна до утра польку танцевать! И не вздумайте останавливаться,... а то ведь я вас и посреде ночи проверить могу,... и тогда уж вам не поздоровиться! Тогда вы вместо этих пленников в каземат пойдёте! Что встали, а ну выполняйте,... всем танцевать, я сказал! – еле сдерживаясь, чтоб не рассмеяться, глядя на озадаченные рожи увальней-битюгов, нарочито громко скомандовал Гюнтер. Ну а те и рады стараться, за руки взялись, и давай наплясывать, кружиться, да что-то весело напевать.

А меж тем Ойген Карлович с родителями уже успел за ворота выбраться. Остановились они чуть поодаль, и стоят Гюнтера ждут. А его долго ждать не пришлось, он быстро собрался да прям следом за ними из крепости выскочил. Ворота за собой закрыл, встрепенулся, отряхнулся, облик бурмистра с себя сбросил и вновь прежним подростком стал. Подошёл к своим родителям и давай их опять обнимать да целовать.

– Ах, вы мои дорогие,... как же я по вас соскучился,...

как же мне вас не хватало, ... наконец-то мы снова вместе... – радуется он, а у самого аж слёзы на глазах наворачиваются, уж так он растрогался.

– Ох, а мы-то как рады тебя видеть, ... а уж мы-то как соскучились, ... ну и натерпелись же мы, в этом сыром подвале сидючи, ... хорошо хоть всё позади. Ох, сыночек, а вот охранники-то, не опомнятся ли, не хватятся ли нас? а то ведь не ровён час ещё за нами в погоню пустятся... – взволнованно охая, вдруг забеспокоились родители.

– Да не переживайте вы так, ... никуда они не пустятся, ... им теперь до утра занятий хватит, ... танцевать им, не перетанцевать, ... не до погони им нынче! А вот нам сейчас, наоборот, хорошо бы потихоньку-полегоньку домой подаваться, ... как раз по вечерней полутьме до нас никому дела не будет, спокойненько доберёмся, ... меньше посторонних глаз, больше счастья для нас... – весело пошутив, успокоил их Гюнтер.

– Подожди-подожди, ... а как же мы домой-то попадём?... ведь у нас его теперь нет! – неожиданно вспомнил отец.

– Ничего страшного батюшка, ... а мы и не к нам домой пойдём, а к моему учителю, ... к Ойген Карловичу, ... у него пока жить станем, ... и, кстати, познакомитесь с ним, он замечательный человек... – бодро ответил Гюнтер и представил родителям старика. Ну а те тут же позабыв обо всех своих прежних перипетиях и неприятностях, затеяли с Ойген Карловичем оживлённую и по-настоящему дружескую бесе-

ду.

Гюнтеру даже пришлось их немного подтолкнуть, чтобы направить на нужную дорогу домой. Ох уж эти задушевные беседы соотечественников, уж как земляки пересекутся, так обязательно найдут такие обширные темы для разговоров, что только диву даёшься. Обо всём перетолкуют, всё обсудят, всем косточки перемоют, да ещё и так увлечённо, что их беседе конца и края не видать.

Вот и родители Гюнтера с Ойген Карловичем, как начали от ворот крепости обо всём подряд толковать, так до самой Немецкой слободы и проговорили. А Гюнтер позади их ступает да всё ими налюбоваться не может, вроде и не было тех месяцев разлуки, и опять они вместе, и опять домой идут, хотя пока ещё и не в свой дом.

Однако освобождение их собственного дома от бурмистра Урента было делом уже решённым. Гюнтер был настроен, завтра же вернуть родителям их заслуженное жилище. А Ойген Карлович хоть и шёл впереди и был увлечён бурной беседой, но всё же заметил, как в глазах его ученика заблестели решительные искорки. И когда они пришли домой он, первым делом устроив родителей Гюнтера на отдых, самого его отозвал в сторонку.

– Ты, как я погляжу, уже что-то задумал? Уж не собрался ли ты прямо сейчас к Уренту идти? – пытливо прищурившись, поинтересовался он. Услышав столь прямой вопрос, Гюнтер нисколько не ступешевался.

– Ты знаешь учитель, каково теперь моим родителям,... они оболганы и несправедливо унижены. Так что я завтра же с утра намерен идти к бурмистру и воздать ему по заслугам,... справедливость должна быть восстановлена, и чем быстрее это произойдет, тем лучше,... я верну родителям всё, что Урент у них отнял... – спокойно ответил Гюнтер.

– Ох, это трудная задача... справишься ли ты один?... может тебе моя помощь понадобится? – чуть засомневавшись, спросил старик.

– Нет, пожалуй не надо,... я сам смогу во всём разобраться и, даже знаю, как это сделать,... тебя же я попрошу чтобы ты присмотрел за родителями, они сильно утомлены,... позаботься о них, пока меня завтра не будет... – попросил учителя Гюнтер и как всегда улыбнулся своей загадочной улыбкой.

– Ну, я так и понял, что у тебя уже есть какая-то своя хитрая задумка,... ну что же, молодец, ты достойный ученик,... завтра пойдёшь и выполнишь свой сыновей долг,... а я меж тем присмотрю за твоими родными,... и не переживай, с ними всё будет в порядке. Ну а сейчас я думаю, нам всем пора хорошенько выспаться,... утро вечера мудренее... – заключил Ойген Карлович и они стали укладываться на ночлег.

И хотя домишко был небольшой, места нашлось всем, кто-то на стульях пристроился, кто-то на лавку улёгся, а кто и на старой кровати расположился. В общем, в тесноте, как говорится, да не в обиде. Ну а вскоре все погрузились в при-

ятный и оздоравливающий сон.

8

Поутру пока все ещё спали, Гюнтер, чтобы никого не потревожить потихоньку собрался и выскользнул наружу. Недолго думая он тут же направился к дому Урента. Пришло время наказать негодяя. Гюнтеру не составило особого труда добраться до места. Однако оказавшись рядом с домом, он из соображений осторожности остановился на противоположной стороне улицы и стал внимательно наблюдать, что твориться вокруг.

Он здесь уже не раз бывал, а потому знал, что в любой момент могут объявиться прихвостни бурмистра и помешать ему осуществить свой план. Но время было раннее и кроме рабочего люда, устремлёно семенящего по своим утренним делам, на улице никого не было. Видимо все прихвостни оклёмывались после вчерашней пирушки, а уж их бурмистр в последнее время устраивал немало. Осмотревшись вокруг Гюнтер, намереваясь немедленно разобраться со своим главным обидчиком, смело шагнул вперёд к намеченной цели.

Но не тут-то было, внезапно из-за угла на полном ходу вылетела разъездная бричка. Описав немислимую дугу и резко развернувшись, она остановилась прямо напротив крыльца Урентова дома, при этом, чуть не сбив Гюнтера с ног. Из брички, кряхтя и сопя, вывалился давний собутыльник и близкий сотоварищ бурмистра, околоточный полицмейстер, как раз тот самый по чьему велению Гюнтера должны

были схватить и упечь в каземат.

Его утренний визит к Уренту был полной неожиданностью, хотя если хорошо знать его повадки, то в этом нет ничего удивительного. Всё очень просто, вчера на пирушке полицмейстер изрядно перебрал горячительных напитков, а потому сейчас ему было особенно плохо, и он спешил продолжить начатое вечером, тем самым, вроде как, поправить здоровье. И вот вывалившись из брички, он сразу принялся отчаянно карабкаться по крутым ступенькам крыльца.

– Да что же это за дела, ... дьявол побери, эту лестницу! Какого лешего понастроят таких ступеней, ... совершенно невозможно попасть на половицу, ... что за чертовщина! – пытаюсь на своих коротеньких ножках преодолеть крутые ступеньки, чертыхаясь и сопя, ругался полицмейстер. Гюнтер же видя столь занимательную картину, сделал свои выводы.

– Надо же, как всё выходит, ... и этот мой обидчик сюда примчался, ... прямо сам господь мне его посылает. Ну что же, пожалуй, так даже лучше будет, ... за один раз с обоими негодьями расквитаюсь ... – подумал он, и машинально нащупав в кармане магическую табакерку, кою накануне сделал для себя, резко кинулся к дому, и в ту же секунду достиг полицмейстера.

– Как дела, ваше благородие? ... что, сил нет, на ступеньки взобраться, ... а может сначала похудеть надо? ... уж такому-то увальню жирняку, явно несподручно по такой лесен-

ке карабкаться... – похлопав его по плечу едко съёрничал Гюнтер. И этого хватило, чтобы полицмейстер моментально вскипел, как раскалённый самовар. Пыжась и урча, словно молочный поросёнок, он развернулся лицом к Гюнтеру и, гневно выпучив глаза, напустился на него.

– Что? Что ты сказал юнец? Да как ты можешь мне такое говорить, да я тебя сейчас в порошок сотру! Ах, ты шелупонь мелкая! – заорал он что есть мочи и яростно заскрежетал зубами. Но Гюнтер, не обращая на него внимания, спокойно достал свою табакерку и, открыв её, принялся собирать вовнутрь всю ту ярость и желчь, что выплёскивалась наружу. Однако продолжалось это недолго, полицмейстер вдруг узнал его.

– Так ты же тот самый шкет,... сын инженера с торфяных разработок,... это ты здесь мешался моему другу бурмистру,... прохода ему не давал,... что опять явился? мало тебя гоняли? Ах ты, щенок, да как ты смеешь вновь сюда являться,... да я тебя на каторгу сошлю! – разойдясь пуще прежнего, завопил полицмейстер и весь красными пятнами покрылся размером с крупные помидоры.

На его крики мигом сбежалась толпа торопящегося по утренним делам народа. Всем сразу же стало некуда спешить. Люди стояли и смотрели на растопорщенного полицмейстера готовые в любую минуту рассмеяться от его всклокоченного вида. Но не только народ услышал крики полицмейстера. Бурмистр Урент тоже был не глухой, и тоже об-

ратил внимание на громкий шум, стоящий возле его дома. И как бы ему не хотелось спать, ему всё же пришлось выбраться из постели и выйти наружу, узнать, что там твориться. На скорую руку накинув на себя халат и нахлобучив тапки, он быстро выскочил на крыльцо.

– Ну что тут ещё случилось?... что за гомон? В чём дело, почему вы мне спасть не даёте!?! – узрев толпу собравшихся зевак, теперь заорал уже и он. А люди, увидев его в столь непотребном одеянии, с выпученным пузом, в незапахнутом халате, да ещё и в домашних тапках на босу ногу, не смогли уже сдерживать своих эмоций и разразились неудержимым смехом. А этот оглушающий взрыв хохота в свою очередь вызвал резкий приступ ярости у Урента.

– Заткнитесь безмозглые твари! Замолчите оборванцы! Вам тут что, цирк с клоунами! А ну прекратите, не то я со всех вас велю шкуры содрать! – гневно взирая на толпу, разорался он. И тут его взгляд упал на Гюнтера.

– Ага, так это ты всё устроил! Но откуда ты здесь взялся!? Ты же преступник и должен сидеть в каземате! Да тебя следует незамедлительно схватить! – тыча указательным пальцем в Гюнтера, злобно вскричал он.

– Как видишь, ни в каком я не каземате,... да и не был там никогда! Более того, и не собираюсь,... ведь это твоя участь!... и это тебе там предстоит сидеть,... потому как это ты преступник, вор и обманщик!... и это ты украл у моих родителей их дом! Он на их средства был выстроен, а потому

по праву принадлежит только им! – гордо расправив плечи, уверенно заявил Гюнтер, а сам, как ни в чём небывало, так и продолжил утрамбовывать в табакерку, исторгаемую злобу и ярость.

А Урент как услышал от него такое утверждение, так вообще взбесился. Давай орать, ногами топать, руками махать. Да и полицмейстер от него не отстаёт, рядом пристроился, и поддакивает. Стоят оба, кричат, зубы скалят, из кожи вон лезут. И вдруг в какой-то момент разом затихли, будто оцепенели. Лица у них словно по мановению волшебной палочки обмерли, обвисли, движения рук замедлились, а раскрытые рты в глупых и ничего не выражающих улыбках исказились.

Это Гюнтер на них своей магией такое действие оказал. Собрал в табакерку все их крики да оры. Постояли они так секунду другую, бессмысленно посмотрели друг на друга, да и на ступеньки уселись. Сели, расслабились, проблески разума в их глазах погасли, веки обмякли, и стали они вместе со всеми вяло похихикивать. Хи-хи да ха-ха, и даже слюнки пустили. А люди-то видят, какие в них перемены случились, и сразу смеяться перестали. Смотрят на них и дивятся, в один миг полицмейстер и бурмистр из двух самых влиятельных чинуш слободы, в натуральных дурачков превратились.

– Ну, надо же, вот так чудеса! Ну, ты парень даёшь,... из лукавых дельцов, безвольных глупцов сделал! – заговори-

ли люди и тут же узнали в Гюнтере юного ученика старика Карловича.

– Эгей, смотрите-ка,... да это же тот мальчишка, которого аптекарь тогда от обломов спас,... он же теперь у него в помощниках ходит! Ну, надо же не побоялся один против таких жуликов выступить! Да они тут всех замучили своим алчными поборами,... только и знали, что у честных людей деньги вымогали,... никто сопротивляться им не мог,... а он, глядите-ка, одним махом своих магических чар скрутил их! С такими отпетыми негодьями справился! Ай да молодец! – поняв, в чём дело, стали приветствовать Гюнтера люди. А он табакерочку свою заветную до краёв набил, закрыл её, в карман убрал и говорит.

– Эх, полна коробочка,... выкачал я с них всё недоброе! Это же надо, сколько ярости, злобы да желчи в них было,... у меня аж палец устал её трамбовать! Вот смотрю я на них и вижу, какими бессмысленными они теперь стали,... а всё потому, что кроме жадности, корысти и жестокости в их душах отродясь ничего не водилось! Забрал я у них всё плохое, тёмное,... и не осталась сейчас в них ничего хорошего, только пустота да глупость! Вон сидят, олухи олухами, нет в них, ни добра, ни разума, ни капли совести. Всё, что было в них, так это лишь жажда наживы да злость! Мой учитель ко многим подобным негодьям такое же средство применял,... таким же образом злости и ярости их лишал! Так у тех потом хоть что-то оставалось, и они могли ещё пользу приносить;

у кого вера в бога была, у кого трудолюбие, у иных и совесть находилась, а у этих кроме их собственной глупости ничего не осталось, ... только бессвязно хихикать и могут! Эх, ничёмные людишки, ... ну и куда же мы их теперь определим? – сделав выводы, спросил у собравшегося народа Гюнтер.

– А на что они нам нужны, такие-то обалдуи! До этого-то ненадобны были, а уж ныне и подавно! Для таких как они лишь одна дорожка, в дом умалишённых! Пусть там и сидят, ... среди нас им места нет, ... нам управленцы работающие, трудовые требуются, чтобы знали все наши чаяния и нужды, а этот хлам только на свалку! – чуть ли ни хором прокричали люди, выразив своё единодушие.

Ну как решили, так и поступили. Вызвали санитаров из городского дома умалишённых, да туда и свезли полицмейстера с бурмистром, подальше с глаз, чтобы честному народу жить не мешали. А на их место других людей выбрали, порядочных и справедливых. Вот так и был наказан негодяй и пройдоха Урент.

И это правильно, ведь даже сам господь если хочет кого-то наказать, то он его непременно разума лишает. Ну а дальше в слободе всё пошло на лад, люди зажили спокойно, достойно и по-доброму. Дом родителям Гюнтера, честно ими заработный и по праву им принадлежащий, вернули. А в скором времени они в него и переехали. Гюнтер помог им обжиться и обзавестись всем необходимым. Навёл в доме чистоту и порядок. Устранил весь тот безобразный хаос и ка-

вардак, который оставался после разгульных пирушек бур-мистра. Приобрёл для отцовской мастерской различного рода технические инструменты, приборы и станки.

Ну а отец буквально на следующий день после переезда
ВНОВЬ

к своему инженерному делу с удовольствием вернулся. В общем, родители были счастливы и чувствовали себя на седьмом небе от всего для них сделанного, и уже ожидали, что и Гюнтером переедет к ним, но нет, он, как бы они его не просили, остался с Ойген Карловичем.

– Вы уж простите меня, мои хорошие,... но я сделал свой выбор,... я останусь с учителем и полностью посвящу себя его делу,... я, так же как и он, буду помогать людям,... и вместе с ним продолжу отстаивать справедливость и правду. А вы уж живите вдвоём,... так для вас лучше будет,... а мы к вам в гости приходить станем... – обещал он родителям, да так всё и выполнил. Остался со стариной Ойген Карловичем, и они вместе, как и прежде продолжили своими лечебными травами, снадобьями да заговорами людей исцелять и жизнь им улучшать.

Казалось бы, на этом вся история и закончилась, ан нет, хоть с тех пор и прошло немало лет, но и в наши дни многие люди утверждают, что не раз встречали в Лефортово на Головинских прудах глубокого старца странного вида, в сопровождении прекрасного юноши собирающего лечебные травы. Честно говоря, я и сам однажды гуляючи на том месте

рядом с Яузой, заметил их удаляющиеся вглубь парка силуэты. И я уже было хотел пуститься за ними вдогонку, но куда там, у них и сегодня столько дел, что теперь уже никому и никогда их не догнать...

Конец.

Сказка о юной талантливой художнице Катеньке и её друзьях

1

Все события о коих дальше пойдёт речь начались во Франции в суровые годы второй мировой войны. Как только фашистские захватчики вступили на славные земли французской республики, многие тысячи её граждан покинули свои дома и ушли в леса партизанить. Вот и добрая тётушка Мария, приветливая хозяйка небольшого парижского кафе, что располагалось в замечательном районе художников и поэтов Монмартре так же, как и сотни других храбрых и честных жителей столицы собрала своих близких, и ушла в отряд сопротивления «Маки».

Она не пожелала жить и работать в городе, наполненном ненавистными врагами. Сама мысль о том, что ей придётся обслуживать этих негодяев в своём так любимом ею кафе, коробила её. И Мария, будучи женщиной смелой и отчаянной не в силах вынести присутствия врага в её родном городе решила с этим бороться. Вместе с ней в партизанском отряде оказались и её дети; старший сын Поль, малыш Жак и дочка Ирэн. Мужа Марии ещё в самом начале войны враги бросили в застенки, и сейчас никто не знал и не ведал где он и что с ним.

Отряд сопротивления, в котором очутилась Мария, находился в отдалённом горном районе, и захватчики особо туда не совались, потому боялись получить достойный отпор. Так что жизнь в партизанском лагере была более или менее спокойной. Женщины хлопотали по хозяйству; готовили еду, стирали одежду, поддерживали скромное жильё в чистоте и порядке. Мужчины же, занимались своим, сугубо мужским делом. А именно; воевали, ходили на задание, устраивали засады, взрывали вражеские составы с боевой техникой, одним словом били неприятеля всеми доступными для себя средствами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.